

Глава 14

— Мы ещё даже не сели! — вскричали братья Ван с позеленевшими лицами.

Казалось, они до сих пор не осознали, что именно их выставили из повозки. Размахивая руками, они бросились было вдогонку, но тётушка Ляо, что была постарше и сообразительнее, уже всю изрыгала проклятия.

— Чтоб тебя! Зря только глазки строила, всё равно пешком тащиться, вот же не повезло!

Вань Дунъян не обращал ни малейшего внимания на крики, доносившиеся из-за спины. Он спокойно обернулся к оставшимся в повозке и спросил:

— Ну что, теперь не тесно?

— Нет-нет, совсем не тесно, — поспешно закивали несколько женщин.

— Да и до этого тесно не было, — усмехнулся Ло Ван, паренёк из семьи Ло, что ранее препирался с тётушкой Ляо. — Это просто те две трещотки вечно всем недовольны. В страду и поплотнее набиваемся.

Он с улыбкой смотрел на Вань Дунъяна. Дорога от деревни до города хоть и недлинная, но с поклажей за спиной и одна ли кажется вечностью.

Вань Дунъян, хоть и обладал непростым нравом, никогда не был из тех, кто задирает нос и судит о людях по их положению. Во время сбора осеннего урожая он всегда помогал семьям, где не хватало рабочих рук, отвозить зерно в уезд, а встретив по дороге односельчан, непременно подвозил их бесплатно.

Он считал, что он куда лучше тех в деревне, кто только и умеет, что красиво говорить, а до дела у них руки не доходят.

С тех пор как братьев Ван и тётушку Ляо высадили, Лю Цишуан не проронил ни слова. Он был ошеломлён не меньше, чем изгнанная троица.

Мгновение назад он был уверен, что Вань Чанцин выгонит его самого, но тот, к его изумлению, указал на братьев Ван!

Он и представить не мог, что Вань Дунъян способен на такой поступок, который наверняка наживёт ему врагов. И уж тем более не ожидал, что Вань Чанцин окажется таким решительным: стоило ему разочароваться в гэре, как он тут же от него отвернулся.

Хотя нет...

Именно таким Вань Дунъян и был. Если кто-то ему не нравился, он никогда не стал бы этого терпеть.

Значит, он и вправду не лгал. В тот день он заступился за гэра семьи Ван и несправедливо обвинил его, Лю Цишуана, лишь ради своего младшего дяди. А теперь, когда Вань Чанцин потерял к тому интерес, Вань Дунъян больше не собирался церемониться с его братьями.

На губах Лю Цишуана сама собой расцвела улыбка. Он, не отрываясь, смотрел на широкую спину погонщика, и долго не мог отвести взгляд.

Деревенские, приезжая в город, обычно не заезжали на главную улицу, а сразу направлялись на рынок. Лю Цишуан и его спутник не были исключением.

Вань Дунъян доехал до самого входа на рынок. Когда односельчане сошли, он помог Лю Цишуану заплатить рыночный сбор и найти место, чтобы разложить корзину с дикими овощами и пучками цветущего сурепника. Только после этого он ушёл.

Лю Цишуан не знал, куда направился Вань Дунъян, и спросить не решался. Перед уходом тот, однако, дал ему чёткие указания: тун продавать по пять вэней за пучок, а если к полудню что-то останется, можно снизить цену до трёх. Что до молодых побегов сурепника, то их можно отдавать за любую цену — мало кто знал, что это за растение и чем оно полезно, а вкусом оно не отличалось, так что дорого не продашь.

А вот цветы — другое дело. Если кто-то спросит, нужно сперва оценить наряд покупателя. Чем богаче одета женщина, тем выше цену можно называть, вплоть до десяти вэней за горсть.

Лю Цишуан крепко запомнил слова Вань Дунъяна и присел на корточки у своего скромного прилавка, внимательно наблюдая, как торгуют другие.

Весна была в самом разгаре, и дикоросов на рынке хватало. Вокруг Лю Цишуана многие продавали дары леса. Напротив него торговал мужчина крепкими, белыми побегами бамбука, которые так и притягивали взгляд. Слева женщина разложила разнообразную зелень, но, к счастью, ни туна, ни сурепника у неё не было. Справа сидела старушка с корзиной яиц.

А вот рядом со старушкой девушка продавала что-то непонятное: то ли листья, похожие на цветы, то ли цветы, похожие на листья. Тонкие, нежно-зелёные, они выглядели очень красиво.

Городок Яншу был большим и густонаселённым, так что утренний рынок кипел жизнью. Едва Лю Цишуан, подслушав у торговца бамбуком напротив, как нужно зазывать покупателей, сам попробовал выкрикнуть пару раз, как к нему подошла первая покупательница.

— О, тун уже пошёл! Почём продаёшь? — спросила полноватая женщина лет тридцати и, не дожидаясь ответа, принялась перебирать пучки, явно настроенная на покупку.

Лю Цишуан, помня наставления, тут же назвал цену.

— Пять вэней за пучок, выбирайте любой.

Тун, который они собрали вчера, был сплошь из молодых побегов, почти без грубых частей, так что в готовку могла пойти вся ветка. Пучки были примерно одинакового размера, выбирать особо было не из чего.

— А подешевле? — бросила женщина, не отрывая взгляда от корзины, и по привычке начала торговаться.

Таков уж был закон рынка: какой бы ни была цена, нужно было поторговаться, чтобы уйти с чувством удовлетворения.

Видя, что женщина, хоть и торгуется, но продолжает усердно перебирать пучки, Лю Цишуан цену снижать не стал. Он с улыбкой взял два пучка и, указав на соседку с яйцами, сказал:

— Тун с яйцами — такая вкусотища! Всего несколько раз в году и попробуешь. Вчера мой... муж... с дерева упал, пока собирал, так ушибся. Дешевле никак не могу.

Лицо его вспыхнуло. Он хотел сказать «брат», но с языка сорвалось другое слово. Он понимал, что его мечты — лишь пустые фантазии, но почему бы хоть раз не дать волю языку?

Женщина, заметив, как он покраснел и смутился, взглянула на его залатанную одежду и подумала, что живётся ему, должно быть, нелегко. Такой молодой, а уже женат. И раз женат, а на нём ни единого серебряного украшения — ни в ушах, ни на руках, как положено гэрарам, — значит, совсем беден. Сердце её дрогнуло. Она выбрала четыре пучка, положила их в свою корзину и отсчитала двадцать монет.

Лю Цишуан не мог поверить, что ему и вправду удалось что-то продать. Он так долго держал в ладони медные монеты, не решаясь убрать их в кошель, что пришлось поспешно спрятать их лишь тогда, когда подошёл следующий покупатель.

Торговля оказалась делом непростым. Последующие покупатели были уже не так стоворчивы. Какая-то вредная старуха не только торговалась до последнего, но и переворошила все пучки туна. Лю Цишуан растерялся и не знал, что делать. На помощь пришла соседка, торговавшая яйцами. Она посоветовала ему не обращать внимания: пусть покупатели придираются и сбивают цену, главное — улыбаться. Цель — продать товар, а ради этого можно и потерпеть немного.

— В торговле главное — толстая кожа. Будет толстая кожа — ничего не страшно, — шепнула она ему, пока не было покупателей.

Лю Цишуан кивнул и перевёл взгляд на девушку, сидевшую рядом со старушкой.

Наблюдая за её торговлей, он уже понял, что за диковинку она продаёт. Оказалось, это называется «ильмовые деньги». И стоили они недёшево, и раскупались быстро. Жаль, что в горах за их деревней он такого никогда не видел. Может, просто недостаточно далеко заходил?

Размышляя о поиске ильмовых денег, он не сидел без дела.

Он разделил аккуратно связанные пучки туна и хауттуйнии от тех, что были растрепаны покупателями. Молодые побеги сурепника он решил отдавать в придачу: кто купит тун или хауттуйнию, тому он подарит немного сурепника, на который до сих пор никто даже не взглянул.

Эта идея сработала. Когда десяток пучков сурепника разошёлся, почти весь его товар был продан. А ведь ещё и полдень не наступил.

В городе базарные дни бывали второго, пятого и восьмого числа каждого месяца. В обычные дни к полудню рынок пустел, и покупателей, и продавцов становилось меньше. Улицы затихали. Лю Цишуану очень хотелось пересчитать деньги в кошельке, но он боялся, что их отнимут.

Он одной рукой сжимал кошель, а другой — озирался по сторонам, с надеждой кого-то высматривая. И тот, кого он ждал, действительно появился.

— Неплохо, — сказал Вань Дунъян, в руке у него был свёрток из промасленной бумаги. — Только корзина с цветами осталась.

Он протянул свёрток Лю Цишуану.

Тот развернул бумагу и увидел два больших мясных пирожка. Он взял один и протянул обратно, но Вань Дунъян не взял.

— Я уже поел. Это тебе.

— А? — Оба ему? Лю Цишуан не мог поверить. Один такой пирожок стоил два вэня.

Вань Дунъян подумал, что этот гээр из семьи Лю какой-то медлительный и глуповатый. Дали еду — ешь, чего на него пялиться?

— Ешь скорее. Цветы ещё не проданы, пойдём в другое место, попробуем.

Вань Дунъян был человеком дела. Сказав это, он принялся собирать оставшиеся вещи. Лю Цишуан с утра ничего не ел и был очень голоден. Мысленно подсчитывая выручку, он впился зубами в пирожок.

Начинка была обжарена, и в ней были не только мясной фарш, но и мелко нарезанные побеги бамбука и дикий лук. Тесто было пышным, а начинка — ароматной. Он управился с большим пирожком в несколько мгновений.

Когда пирожок был съеден, они уже вышли с рынка. Только тут Лю Цишуан вспомнил и спросил, куда делась повозка.

— Такая громадина не может по улицам развезжать, нас бы обругали. Я оставил её на скотном рынке, там есть место для стоянки, — ответил Вань Дунъян, и выражение его лица стало каким-то странным. Он что-то пробормотал себе под нос.

На самом деле, по улицам города разрешалось ездить на повозках, но только богатым людям, в красивых экипажах. А деревенские телеги, неважно, запряжённые волом или лошадью, стоило им появиться на улице, как на них тут же начинали показывать пальцем, мол, грязь развозят.

Лю Цишуан редко бывал в городе, и всё для него было в новинку. Каждое слово спутника он запоминал.

Услышав слова Вань Дунъяна, он сделал себе пометку: на повозке по улицам ездить нельзя, будут ругаться.

Один пирожок утолил голод наполовину. Лю Цишуан послушно шёл за Вань Дунъяном, с любопытством разглядывая уличных торговцев, нарядные лавки и прохожих, и потихоньку доедал второй пирожок. Когда и тот закончился, они как раз пришли на место.

Вань Дунъян привёл его в аптеку.

Лю Цишуан не знал, зачем они здесь, и не решался мешать разговору Вань Дунъяна с аптекарем. Но он осмелился подойти к мальчику-помощнику и расспросить его о ценах на некоторые травы.

Мальчику было лет одиннадцать-двенадцать, но он оказался очень приветливым и охотно отвечал на все вопросы. Вскоре Лю Цишуан уже знал цены на пинеллию, семена дурнишника и листья мушмулы.

— Если у тебя будет пинеллия, гээр, приноси. Сколько принесёшь — всё купим.

— Этим летом накопаю и принесу, — ответил Лю Цишуан. Пинеллия была редкой, у каждого растения всего один клубень, да и тот глубоко в земле. Чтобы собрать хотя бы полцзиня, нужно было потратить уйму времени. Неудивительно, что она так дорого стоила — больше трёх цзяней серебра за цзинь.

Разговаривая с помощником, Лю Цишуан не заметил, как аптекарь то и дело поглядывал на корзину в его руках. У него был вопрос к аптекарю, и, увидев, что Вань Дунъян закончил разговор, он набрался смелости и подошёл.

— Господин аптекарь, подскажите, какое лекарство нужно от долгого кашля? У вас есть такое?
— Лю Цишуан подумал, что теперь, когда у него появились деньги, дедушке не придётся пить только отвар из листьев мушмулы. Можно купить хорошее лекарство, и он быстрее поправится.

Сегодня утром, когда он проснулся, дедушка всё ещё кашлял. Похоже, отвар из листьев мушмулы не очень помогал.

Аптекарь, услышав вопрос, принялся терпеливо объяснять:

— У нас в аптеке нет лекаря, который бы принимал больных. Кашель ведь от разного бывает, и лекарства нужны разные. Нельзя лечиться наугад. Тебе, гээр, лучше сперва отвести родного человека к лекарю, а потом уже с его рецептом приходить за травами.

Лю Цишуан не думал, что всё так сложно, но слова аптекаря показались ему очень разумными. Лекарство и вправду должно подбираться под болезнь, за то лекари и берут деньги.

Он кивнул и поблагодарил аптекаря. Думая, что их дела здесь закончены, он уже собрался уходить, но аптекарь окликнул их. С некоторым смущением он спросил:

— Молодой гээр, а где вы нашли эти цветы сурепника? Не уступите ли вы их старику?

— А, это мы в горах нарвали. Целую корзину продали, вот только это и осталось, — опередил его Вань Дунъян.

Услышав это, аптекарь просиял. Он-то думал, что они их купили, а оказалось — продают. Это было прекрасно, значит, он сможет выкупить у них всё.

Выйдя из аптеки, Лю Цишуан всё ещё был как в тумане. Как так вышло, что цветы, которые он не мог продать всё утро, вдруг ушли? Да ещё и за такую цену!

Он так старался, собирая тун, выкапывая по одной веточке хауттуйнию, и за всё это выручил чуть больше ста монет. А сорванные по пути с горы дикие цветы принесли ему пятьдесят!

Лю Цишуану было жаль, что тун нельзя продавать каждый день, и что хауттуйнию не так-то просто найти. Но у него уже появились новые идеи, так что он перестал сокрушаться. Он быстро отсчитал восемь монет и протянул Вань Дунъяну.

— Это моя доля? — Вань Дунъян взял деньги. Он решил, что раз уж договорились делить выручку, то лучше взять. Так это будет просто плата за услугу, и никаких других обязательств.

Найдя для себя оправдание, он и не подозревал, что в следующую секунду Лю Цишуан покачает головой.

— Нет, это за пирожки. Сегодня я тебя угощаю. А твоя доля... сколько ты хочешь? — Лю Цишуан не знал, сколько попросит Вань Дунъян, но был готов отдать до половины выручки.

Вань Дунъян не ожидал, что когда-нибудь его будет угощать какой-то молодой гээр. Он весело рассмеялся и спрятал восемь монет. Затем он показал один палец. Лю Цишуан опустил глаза и робко спросил:

— Сто?

Это было очень много.

— Десять. Дай мне десять монет, и хватит.

Слова Вань Дунъяна прозвучали так нереально, что Лю Цишуан подумал, что ему послышалось.

Десять? Он просит всего десять монет?

<http://bllate.org/book/13415/1194073>